

Е.А. Самарская

Книга по философии анархизма
(Jean Prepositet. Histoire de l'anarchisme.
Paris: Editions Tallandier, 2002, 2005. 510 p.)

Книга Ж.Препозье впечатляет широтой охвата имен, идей, пропагандистских акций и практических выступлений анархистов на протяжении почти двух с половиной веков. В ней есть интересный историко-философский экскурс, где автор стремится выделить философских предшественников анархизма начиная с периода Древней Греции. Книга снабжена обширной библиографией на французском и других европейских языках, примечаниями и именованным указателем. Особенность позиции автора заключается в том, что он рассматривает анархизм не только как направление политической мысли, но и как «способ бытия в мире», как определенную философию. В силу такого подхода он может утверждать, что анархизм непреодолим и никогда не выйдет из моды.

В поисках философских предшественников анархизма он обращается к античности и отыскивает зародыши анархизма у киников, которые, протестуя против платоновского идеализма, говорили, что не идеи являются «архетипом» всего существующего, а, напротив, конкретное существование, «индивидуальность» лежит в основе образования мысленных абстракций. Киники стремились к индивидуальной автономии и были критичны в отношении социальных институтов. Родоначальник школы киников Антисфен презирал все социальные табу и утверждал, что мудрые должны жить не по законам полиса, а по законам добродетели и братства всех людей. Самый известный

из киников, Диоген, тоже противопоставлял гражданину полиса «человека природы». Некоторые их идеи восприняли стоики: убеждение в праве на личную автономию, идеал жизни в соответствии с природой, презрение к земным благам.

Переходя к Средним векам, Препозье отмечает, что оппозиционные движения в этот период принимали форму ересей. Особенно влиятельным было движение «Свободы Духа», оно существовало несколько веков и вербовало своих членов во всех уголках Европы. Члены этой организации заботились прежде всего о спасении души, не признавали никакой власти, никакого принуждения и стремились к полной свободе. Оппозиция часто прибегала тогда к проповеди евангельской бедности в противовес официальной Церкви, стремившейся к власти и богатству. Ереси и секты сохраняли свою оппозиционную значимость и в период Ренессанса — тогда существовали секты анабаптистов, меннонитов, «моравских братьев». Члены сект выступали в это время не только против власти Церкви, но и против крепнувшей светской власти (отказывались служить в армии, платить налоги и т.д.).

В Новое время вырисовываются контуры централизованного государства-нации, которое, в соответствии с проектом философов-просветителей, должно было явиться олицетворением разума. Люди в таких обществах становятся, пишет Препозье, «метафизическими сиротами» и простыми элементами «коллективности», все их существование определяется принадлежностью к «земному городу». В качестве предшественников анархизма в этот период Препозье рассматривает кюре Ж.Менье и группу «бешеных» (Ж.Ру, Ж.Варле, Т.Л. д'Оз), которые активно участвовали во французской революции, выступая против всякой власти и, в частности, против якобинской диктатуры, так как считали, что носителем суверенитета может быть только народ.

В Великобритании XVII — начала XVIII вв. предшественником анархизма был, по мнению автора, В.Годвин, а в Соединенных Штатах — Г.Д.Торо. Пастор Годвин утверждал, что общественная жизнь должна быть построена в соответствии с законами разума, коим в равной мере наделены все индивиды. Государство — худшее из учреждений, ибо оно мешает свобод-

ному развитию разума индивидов, подменяя его собственным разумом и своими законами. Но если закон разумен, он не нужен (человек сам имеет разум), а если противоречит разуму, он не легитимен и деспотичен. Торо воспринял идею Т.Джефферсона, что наилучшим правительством было бы то, которое бы «меньше управляло». Сам он считал, что лучше бы правительства не было вовсе, и верил в возможность существования общества на безвластной основе. Он написал известный памфлет «О долге гражданского неповиновения», где утверждал, что каждый имеет право не подчиняться приказам, если считает их несправедливыми и преступными.

Поскольку Препозье считает анархизм особым способом бытия в мире, ему было важно установить, какой тип личности предрасполагает к восприятию идей анархизма. По его мнению, анархистом может стать человек, который глубоко чувствует несправедливость и верит в право каждого индивида на борьбу за свободу. Если Гегель определял истину как конкретную всеобщность, то для анархиста истина — это проявление индивидуальности. Были, конечно, анархисты-коллективисты, они не могли отказаться от идеи и практики организации, но Прудон или Бакунин, например, отвергая авторитарные модели организации, допускали возможность существования таких организационных моделей, которые бы не противоречили индивидуальной свободе. В этой связи Препозье подчеркивает их приверженность принципу федерации. Дилемма организации и индивидуальности пронизывает не только теорию, но и практику анархизма, принимая в этой последней, как писал А.Камю, форму перехода от спонтанного индивидуального «бунта» к организованному выступлению под знаком той или иной идеи, и если импульсы восставшего индивида часто лежат за пределами разума, то организация всегда олицетворяет разум. Препозье считает, что существование указанной дилеммы не препятствует связности либертарных концепций, что индивидуальная свобода, которая выражает протест спонтанности против разума и мира социальных абстракций, протест фантазии против узкой систематизации, оригинальности против конформизма, жизни против смерти, и организованное разумное действие существуют в анархизме как бы на разных уровнях; по-

следнее оценивается анархистами как чисто практический акт, целью которого является не свобода в собственном смысле слова, не стихия чувств и желаний, а «освобождение» от тех или иных условий общественной жизни.

Основную часть книги Препозье занимает описание идей и творческого пути крупнейших представителей европейского анархизма. Если говорить о самом термине «анархия», то первым его употребил для обозначения своей политической позиции Ж.-П. Прудон. Анархия рассматривалась им как идеальное, безвластное состояние общества, как порядок, существующий без суверена. Более поздние анархисты постепенно утрачивали веру в анархию как идеал общественного устройства и усваивали менее утопичный взгляд на анархию и анархизм. Себастьян Фор в своей «Энциклопедии анархизма» (1934–1935) исходил из убеждения, что нет строго определенной доктрины анархизма, а есть ряд общих принципов, принимаемых теми, кто борется, коллективно или индивидуально, против всех форм дисциплины и принуждения, будь то в политической, экономической или моральной областях. С этой точки зрения, общей чертой всех анархистских теорий и движений является отрицание принципа авторитета и властных институтов общества.

В качестве самого радикального варианта анархического индивидуализма Препозье рассматривает философию Макса Штирнера, одного из представителей младогегельянства в Германии первой половины XIX в. Он приобрел известность благодаря работе «Единственный и его собственность», в которой поставил под сомнение все ценности — Бога, Истину, Свободу, Человечество и т.д. Их источником он объявил Я, но последнее не было трансцендентальным Его феноменологов, а представляло собой конкретное и неповторимое Я человека во плоти и крови, собственное Я Штирнера. Он упрекал Фейербаха за веру в социальную природу человека, которую считал чистой абстракцией, продуктом общественных условий и общественного разума. У Штирнера достаточно ярко выражены отрицательное отношение к разуму и ориентация на инстинктивные побуждения личности. Он отрицал гегелевскую идею всемогущего разума: разум — это внешняя человеку сила, используемая для господства над природой, над другими, но эта сила порабоща-

ет и самого человека, она враждебна ему, душит его «эгоизм». Надо отбросить разум, рациональные нормы и ценности, чтобы стать на путь эгоизма и брать от мира то, что удовлетворяет наши желания.

Продолжая свой анализ, автор останавливается на борьбе Штирнера с рациональными нормами общественной жизни, которую тот вел в форме критики политического, социального и гуманитарного либерализма. Первому Штирнер поставил в вину то, что он подменяет индивида «гражданином», членом государства, отбрасывая индивидуальное в ничтожную сферу частной жизни. Под социальным либерализмом Штирнер имел в виду социализм, конкретнее, теорию Прудона. С нашей точки зрения, причисление Прудона к социалистам не вполне корректно, но как бы то ни было, Штирнер рассматривал социализм (или «социальный либерализм») как прямое продолжение политического либерализма, с той разницей, что социализм подменяет индивида не «гражданином», а «трудящимся»; включая его в целостную систему общественного производства, он ставит человека в ситуацию служения «коллективности». Наконец, «гуманитарный либерализм» Б.Бауэра с его идеей освобождения человечества Штирнер отбрасывал из тех соображений, что каждый может бороться лишь за свою собственную свободу, а не за свободу других.

Оценивая наследие Штирнера с точки зрения истории философии, Препозье отмечает, что, будучи одним из последних представителей гегелевской школы, Штирнер оказался в то же время предшественником экзистенциализма. Он был современником Кьеркегора, и к нему также можно отнести слова, сказанные Сартром о Кьеркегоре: он глубоко ощущал несоизмеримость мысли и реальности и противостоял гегелевскому замыслу интегрировать «живое» в систему понятий.

Большую познавательную ценность имеет проделанный автором анализ идей П.-Ж.Прудона, он помогает преодолеть те однобокие и довольно карикатурные представления о Прудоне, которые были распространены не столь давно в нашей отечественной литературе и сложились под влиянием марксизма, прежде всего, работы Маркса «Нищета философии». Существуют и другие предрассудки относительно направленно-

ти идей Прудона: так, его до сих пор считают противником частной собственности, каким он на деле не был, он хотел просто справедливости в отношениях собственности, стоял за то, чтобы каждый зарабатывал ее своим трудом. Идею справедливости Препозье считает главной в философии Прудона, она составляет высший моральный закон человеческого существования, она же должна лежать в основе социального права. Прудон, таким образом, увлечен социальными проблемами, хотя и для него индивидуальная свобода остается высшей ценностью. Он был противником коммунистических теорий, в частности, идеи общественной собственности, считая, что ее реализация неотвратимо должна привести к подавлению индивидуальной свободы.

Автор книги особо выделяет тезис Прудона, что начиная с XIX в. экономика становится ведущей, определяющей сферой общественной жизни и постепенно втягивает в себя политику, которая уже себя изжила. В этом плане Прудон, пишет Препозье, близок Сен-Симону: тот тоже говорил об обреченности политической власти и предсказывал ее растворение в производственном организме. Прудон полагал, что процесс отмирания государства, вернее, его срастания с экономикой уже начался в XIX столетии и может растянуться на века. Он отвергал возможность использования государства со стороны оппозиционных сил, ибо государство противостоит индивидуальной свободе. Интересно замечание Препозье, что Прудон, испытав влияние гегелевской диалектики, отбросил важный для нее момент синтеза, обозначив его как «правительственный» момент, как уровень всеобщего согласия. Сам же Прудон представлял общественную жизнь как столкновение множества сил и разнообразных мнений.

Российский читатель может расширить свои представления о прудонизме, прочитав разделы рецензируемой книги, посвященные теории мютюэлизма. Она была направлена, прежде всего, против договорной теории руссоистского типа. Руссо, писал Прудон, отвергал тиранию, а сам создал тирана в виде тотальной государственной власти, перед которой индивиды беспомощны, которой они передоверили свой суверенитет в акте общественного договора. Прудон понимал договор иначе — как результат взаимных соглашений равных друг другу

индивидов. Мютюэлизм зарождается в производстве и оттуда распространяется на социальную и политическую сферы. В промышленности и сельском хозяйстве он означает прежде всего эквивалентный обмен произведенными товарами, в политической сфере оборачивается апологией федеративного устройства государства на всех его уровнях (центр, регионы, местная власть).

Завершая рассказ о Прудоне, автор книги пишет, что его идеи унаследовали не только левые политические направления, но и правые. Националистическая группа «Action française» чтит Прудона как одного из своих классиков наряду с де Мэстром, де Бональдом, Бальзаком, Тэном, Ле Пле и др. Правые считали его идеологом контрреволюции, ценили защиту им частной собственности, критику атомизированного либерального общества, демократии, отрицание равенства полов, его антисемитизм, который все же, как уточняет Препозье, имел не расовый, а социально-экономический характер.

Вслед за этим автор рассматривает теоретическую и практическую деятельность представителей русского анархизма — М.А.Бакунина, П.А.Кропоткина, присоединяя к ним еще Л.Н.Толстого, хотя относительно последнего замечает, что европейские анархисты после долгих споров согласились не считать Толстого анархистом. Препозье подчеркивает, что оппозиционно настроенных русских интеллектуалов отличала почти «мистическая» вера в народ, анархизм в их истолковании сразу приобретал коллективистский характер.

Автор представляет Бакунина как неистового борца против угнетения любого рода; в середине XIX в. он метался по всей Европе, появляясь там, где происходили революционные выступления. Индивидуальная свобода и для него была высшей ценностью, но он считал человека существом изначально социальным и не склонен был противопоставлять индивида обществу. Индивидуальная свобода не является свободой от общества, а обретается в обществе, если его члены признают право другого на свободу.

Можно заметить, что такие определения кажутся близкими прудоновскому принципу мютюэлизма, но предполагают и нечто иное, а именно, отождествление свободы с творческой

спонтанностью людей, живущих в коллективе. Жизнь, свободу, творчество Бакунин связывал со стихийными оппозиционными движениями. Если Штирнер, как мы видели, соотносил свободу с поступками индивидов, продиктованных их эгоизмом, а Прудон настаивал на взаимном признании прав равных друг другу индивидов, то Бакунин, как уже сказано, отождествлял свободу со спонтанностью индивидуальных либо коллективных действий. Главным противником свободы оказывается в таком случае разум, и прежде всего тот, который воплощен в государстве.

Ссылаясь на работу Бакунина «Государственность и анархия», Препозье показывает, что государство Бакунин считал институтом искусственным и временным, обреченным на уничтожение, и противопоставлял ему общество как сферу естественных отношений между людьми, где царят законы природы. Бакунин вообще мыслил в соответствии с антитезой «общества» и «государства»: общество это природное начало, государство — творение человеческого разума. Таким образом, типичное для анархистов противопоставление природы и общества у Бакунина исчезает, общество само оказывается природным образованием.

Князь П.А.Кропоткин продолжил линию коллективистского анархизма и даже называл свою систему взглядов «коммунистическим анархизмом». Он тоже был сторонником спонтанных революционных выступлений, видел в государстве абсолютное зло и считал, что оно не может сыграть какой-либо позитивной роли в революционных преобразованиях общества. Препозье отмечает, что Кропоткин, как и все русские анархисты, преувеличивал роль народа в истории, верил, что только спонтанные выступления низов могут привести к формированию общества, основной ячейкой которого станут самоуправляющиеся коммуны.

Препозье отмечает влияние Бакунина на европейских анархистов, в частности, на итальянца Э.Малатесту, анализу творчества которого он посвящает особый раздел. Малатеста писал о том, что анархистский индивидуализм не противоречит признанию важности организации и коллективной солидарности. Организация необходима, ибо человек — существо социальное

и не может жить изолированно. Он полагал, что организация может иметь разную форму, быть принудительной, навязанной сверху, или созданной на основе согласия своих членов, в таком случае она не противоречит индивидуальной свободе.

В книге есть раздел «По краям анархизма», в котором Препозье рассматривает течения мысли, родственные анархизму. Прежде всего, он отмечает в этом плане некоторые пацифистские и антимилитаристские движения, а затем переходит к «диким левым» или «ситуационистам». Они создали в 1957 г. свой Интернационал, в который вошли деятели искусства и интеллектуалы, воспринявшие идею А.Рембо «Изменить жизнь». Они стали в оппозицию ко всем классическим идеологиям и культуре товарных обществ, используя с целью их критики марксистскую идею отчуждения, феномена, распространенного ими на всю общественную жизнь. Автор подробно разбирает в этой связи книгу главного теоретика ситуационизма Ги Дебора «Общество спектакля».

Самыми близкими к анархизму Препозье считает, и по-видимому справедливо, экологистов неполитической ориентации. Он отмечает существенные пункты их сходства: акцент на спонтанности оппозиционных выступлений, склонность к образованию «контр-власти» в форме автономных ассоциаций простых граждан (общества защиты природы, ассоциации кварталов, коммунальные или культурные образования и т.п.). Автор делает важное замечание о том, что в настоящее время социальные проблемы, касающиеся не столько прав труда, как в прошлом, сколько биологического выживания человеческого рода, волнуют людей больше, чем политические проблемы. Поэтому и «инициатива сопротивления качнулась от *политической* области к *социальной*» (р. 311).

В числе близких к анархизму движений в книге назван «анархо-капитализм», распространенный преимущественно в США и известный еще как «либертарьянство». В числе его представителей в XIX в. — экономист Г.Молилари, юрист Л.Спунер, в более близкое к нам время — Р.Нозик, М.Г.Розбард, Д.Фридмен. Либертарьянцы резко выступают против государства, связывая с его существованием распространение насилия, несправедливости, революций, войн, тирании и нищеты. Государст-

во — «незаконное» и «криминальное» образование, его власть покоится на силе, поэтому выступления против государства совершенно законны и морально оправданны. Идеалом анархокапиталистов является свободная и добровольная ассоциация, реализующаяся на основе рынка. В таком обществе должна быть осуществлена тотальная приватизация всех институтов, включая образование, почту, полицию, даже суды и национальную безопасность.

В последнем разделе книги автор разбирает вопрос об отношении анархистов к насилию. На первом плане здесь оказываются русские нигилисты от Чернышевского до народовольцев; автор проводит мысль о том, что типичное для русских революционеров обожествление народа толкало их к оправданию насилия, если оно применялось с благой целью освобождения народа. Образцом революционного фанатизма, доходящего до человеконенавистничества и моральной беспринципности, Препозье считает «Катехизис революционера», написанный предположительно С.Г.Нечаевым. Но и в Европе анархистам случалось применять насилие. В конце XIX в. они решили прибегнуть к пропаганде действием и тогда по Франции прокатилась волна громких покушений, связанных с именами О.Вайяна, Равашоля, Э.Анри.

Автора интересует, прежде всего, вопрос, могут ли анархисты с их девизом свободы использовать насилие ради утверждения своих принципов. Важнейшим в этой связи эпизодом является вооруженная борьба махновцев с большевиками. Уже после поражения своей армии Н.И.Махно, оказавшись в Париже, писал о необходимости для анархистов иметь дисциплинированную повстанческую армию. Европейские анархисты объявили идеи Махно «анархо-большевистским извращением», Э.Малатеста и С.Фор утверждали, что теоретические различия между анархистами так велики, что их нельзя собрать в единую централизованную организацию. Те же проблемы возникли во время гражданской войны в Испании, причем лидеры испанских анархистов встречались с Махно в Париже и использовали его советы.

Препозье описывает и другую модель насильственных действий со стороны анархистов: она была разработана во Франции анархо-синдикалистом Ф.Пелутье, который выдвинул

идею всеобщей забастовки, полагая, что она может привести к разрушению государства и передаче экономической власти в руки трудящихся. Эту идею опоэтизировал Ж.Сорель, придав ей возвышенную форму революционного мифа, но всеобщая политическая забастовка так и не была нигде реализована.

Проделанное им исследование Ж.Препозье резюмирует следующим образом: анархисты принимали участие в революционных событиях в Европе, но плодами их деятельности пользовались другие, которые обычно стремились уничтожить общественное влияние анархистов и устранить их самих. Его вывод: «Они сеют, но не собирают урожай». Свойственная им боязнь организации и приверженность к спонтанным действиям, их ориентация скорее на разрушение старых форм социальной жизни, а не на созидание новых, делают их судьбу драматичной, они предстают в книге как самое незащищенное течение в социальной оппозиции. Такое представление об анархистах кажется вполне аутентичным, хотя автор мог бы указать на ряд моментов, которые в настоящее время дают основание более оптимистично смотреть на перспективы анархизма. Тут следует иметь в виду происходящую сейчас смену типа социальной организации в связи с внедрением информационной техники. Конечно, те иллюзии, которые были у левых в 70-е гг. XX в. относительно возможности реализации в этих условиях «социализма свободы», исчезли, но сейчас многие левые интеллектуалы ведут усиленный поиск новых организационных форм общественной жизни, более адаптированных к свободе индивидов и интересам различных социальных групп.